

Т.А. Пан, Н.Г. Пчелин

Портреты выдающихся военачальников периода правления императора Цянь-луна из коллекции Государственного Эрмитажа

Портреты героев Туркестанского похода были заказаны в 1760 г. императором Цянь-луном для специально построенного Зала славы — Павильона пурпурного блеска. После подавления восстания ихэтуаней в 1900 г. большинство из портретов было перевезено в Европу в качестве военных трофеев и позднее оказалось в различных музеях. Значительное количество портретов попало в берлинский Музей этнологии, а затем часть из них была привезена в Советский Союз в составе репараций в 1945–1946 гг. и некоторые из них были помещены в фонды Государственного Эрмитажа. Только сейчас появилась возможность впервые опубликовать четыре из семи портретов еще до их консервации и реставрации.

На портретах изображены военачальники Чэбдэньжаб, Болбунча, Кэтэркэй-батуру Етунь, Хабтай-батуру Фусил. Портреты снабжены посвящениями на китайском и маньчжурском языках, написанными лично императором Цянь-луном.

Ключевые слова: портреты генералов Цянь-луна, Восточно-Туркестанский поход 1759 г., Государственный Эрмитаж, маньчжурский язык, китайский язык, Цянь-лун.

В фондах Государственного Эрмитажа хранятся семь больших портретов, изображающих в полный рост маньчжурских генералов, участвовавших в военных кампаниях императора Цянь-луна (прав. 1736–1795). Известно, что до Второй мировой войны они хранились в Этнологическом музее в Берлине и в качестве репарации были переданы 25 марта 1946 года в Государственный Эрмитаж из состава экспонатов III-го специального эшелона.

По нашим сведениям, несколько портретов из этой коллекции попали в фонды Музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина (директор — И.А. Антонова), однако их дальнейшая судьба нам неизвестна.

Свитки пострадали во время штурма Берлина, и на них имеются следы подтеков и пожара, кроме того, свитки длительное время не разворачивали, и в некоторых местах на них осыпается краска. Только сейчас реставраторы приступают к расчистке и консервации живописи, подготавливая портреты к экспонированию в музее.

1. Особенности портретного искусства при династии Цин (1644–1912)

Говоря о культурной жизни Китая конца династии Мин (1368–1644) и начала Цин, обычно отмечается особая роль миссионеров-иезуитов в представлении китайскому двору достижений европейской науки и культуры. Признавая высочайший уровень мастерства китайских художников, утонченность их приемов в изображении природы и создании художественных образов, европейцы стремились к тому, чтобы пере-

дать опыт своей культуры жителям Китая. Знакомство китайской элиты с европейской иконой и живописью началось в 1598–1600 гг., когда Маттео Риччи (1559–1610) в Нанкине и других городах начал демонстрировать, дарить и продавать образцы европейских картин, в частности показав привезенную им икону «Богородица с младенцем и святой Иоанн Баптист». В это же время молодой художник из состава его миссии создал копию этой иконы, которая была подарена жене ближайшего помощника губернатора провинции Шаньдун.

25 января 1601 г. Маттео Риччи, добившись аудиенции у императора Вань-ли (1573–1620), удалось получить разрешение на проповедь католицизма в Китае. В последующие девять лет Риччи способствовал распространению европейского влияния в Китае в разных сферах, в том числе в портретном искусстве.

В своем «Описании Китая» Риччи отмечает: «Я считаю, что китайцы обладают изобретательностью, отдавая предпочтения всему тому, что пребывает им извне, перед тем, чем они уже обладают сами, и они всегда неожиданно четко представляют себе превосходное качество иностранных изобретений, предметов, товаров» (Pirazzoli-t'Serstevens, p. 24). Риччи имел в виду и живопись маслом, часы и драгоценности, пушки из Европы и многое другое.

Здесь необходимо упомянуть имя Джекопо Нива, сына японца и китайки, прибывшего в 1602 г. из Японии, где он обучался приемам европейской живописи у проживавших там выходцев из Португалии и Испании. В 1604 г. именно Нива сделал копию с иконы «Богородица и Святой Лука» для высокого алтаря католической церкви в Пекине.

Хотя масляная живопись вызывала в Пекине всеобщее восхищение, как китайские, так и европейские исследователи отмечают, что значительно большее влияние на интеллектуалов Китая оказали книги и гравюры в цветном и черно-белом исполнении. Они привозились иезуитами из Европы, поначалу по требованию Риччи и его последователей, а позднее — и с коммерческими целями.

Причиной такого значительного успеха в популяризации европейской печатной продукции послужило повсеместное широкое распространение в Китае ксилографии. Производство книг и гравюр, подобных европейским, было легко усвоено и скопировано китайскими граверами по дереву и растиражировано в течение XVII–XVIII вв.

Развитие портретного искусства в Китае в XVII–XIX вв. было обусловлено притоком в страну художниками-иезуитами из Франции, Португалии, Италии и Испании портретов европейских правящих особ. Важнейшей вехой стал визит к императору Кан-си в 1667–1670 гг. португальского посольства во главе с Манозлем де Салданья, который преподнес императору портрет короля Португалии Афонсу. Последний уже умер и являлся старшим братом правящего тогда короля Педру II и считался уже посмертно «отцом нации» в Португалии.

Принесение послом далекой Португалии в качестве «дани» портрета предка правителя явилось в глазах цинских правителей прямым свидетельством мощного влияния китайской традиционной духовности на жизнь народов разных стран мира, признанием вассалитета Португалии по отношению к Великой империи Цин. Неожиданно для себя Салданья угадал наиболее важное для маньчжуров направление в развитии искусства портрета. Полностью восприняв духовный конфуцианский стержень — культ предков, представители маньчжурского двора очень быстро поняли, насколько важна для них разносторонняя помощь европейцев, в частности художников, в качестве важного улучшения портретов предков, вывешиваемых над специальными алтарями.

Известно, что начиная с XV в., по сформировавшейся к тому времени традиции, император изображался анфас в парадном костюме. Такой портрет был статичным

шаблоном: важно было представить все знаки отличия, костюм и мебель, а отображение характера человека и его душевных переживаний, имело второстепенное значение. Получив в распоряжение образцы европейских портретов, маньчжурские правители предпочли изменить традиционную схему с учетом новых для них европейских теорий передачи сходства и личных качеств модели в определенный период ее жизни, при уникальных обстоятельствах и в конкретной обстановке. Так явились миру знаменитые портреты императоров Кан-си (прав. 1662–1722), Юн-чжэна (прав. 1723–1735) и Цянь-луна среди книг, при занятии каллиграфией, в обычном халате во время беседы, на военном параде в доспехах и т.п.

Стремясь к самоутверждению и самопрославлению, маньчжурские правители не только использовали достижения китайской цивилизации, но довольно быстро пришли к выводу о необходимости самого широкого заимствования достижений Испании, Италии и Франции. Они стремились к утверждению традиций европейского реализма, в частности и в области портретного искусства. Примером могут служить портреты императора Цянь-луна, где видны прекрасные результаты художественных изысканий европейских мастеров в изображении рельефа, передаче объема и перспективы.

Автором части портретов, ни один из которых не подписан и не датирован, специалисты называют иезуита-миссионера Джузеппе Кастильоне (1688–1766), а автором многочисленных портретов придворных, жен, наложниц и внухов был выдающийся художник иезуит-миссионер Жан-Дени Аттире (1702–1768). Оба художника были высоко оценены Цянь-луном — им он поручал создание картин, представляющих его как государственное, так и как частное лицо. По его просьбе иезуиты преподавали искусство европейской живописи способным маньчжурским и китайским ученикам, имена которых также сохранились в документах — это Дин Гуан-пэн, Яо Вэнь-хай и др. Следует отметить, что художники-иезуиты оставались в русле живописной традиции, процветавшей во время правления династии Мин, согласно которой предпочтение отдавалось портретам анфас. Это позволяло показать черты лица более отчетливо, при освещении спереди, мягко и однородно, без теней.

В рамках такой традиции и были написаны сто портретов героев военных кампаний императора Цянь-луна.

2. История создания портретов цинских военачальников

Создание портретов героев военных походов связано с завоевательными кампаниями периода правления Цянь-луна (1753–1796), принесших империи Цин значительное расширение ее территории. Этими завоевательными походами были: завоевание Джунгарии (1755, 1756–57), Восточного Туркестана (1758–1759), Цзиньчуани (1747–1749, 1771–1776), Тайваня (1787–1788), Бирмы (1766–1770), Аннама (1788–1789), Непала (1771–1776).

Присоединение Джунгарии и Восточного Туркестана в середине XVIII в. не только добавило 10 тысяч квадратных километров к территории маньчжурской империи, формировавшейся в предыдущие периоды правления императоров Кан-си и Юн-чжэна, но и значительно увеличило военную мощь империи Цин. Цинская империя получила Восточный Туркестан, бассейн реки Тарим и Семиречье между Или и Каратаем до озера Балхаш. Вся эта территория стала называться Синьцзян — Новые границы. Важную роль в усилении военного оснащения маньчжурской армии сыграв

ли миссионеры-иезуиты, по инструкции и чертежам которых изготовлялись артиллерийские орудия. Цянь-лун, обрадованный успешным завершением кампании, приказал провести серию праздничных мероприятий в честь этих побед. В первый месяц 1760 г. у главных ворот Запретного города У-мэнь Чжао Хуй торжественно передал императору Цянь-луну мусульманских пленных и представил голову Хочжи-хана. Когда во втором месяце того же года возвращающиеся из похода войска приблизились к столице, Цянь-лун выехал в округ Лянсян, где провел благодарственное моление Небу, приветствовал солдат и лично принял офицеров, командовавших различными битвами. В третий день следующего месяца он устроил пир в честь победителей перед Павильоном пурпурного блеска Цзыгуан-гэ, который был построен как дворец военной славы в Запретном городе.

В дополнение к этому в течение последующих пяти лет были тщательно собраны детальные описания событий, документы, связанные с этой военной кампанией. Более двухсот стихотворений Цянь-луна, прославляющих военные победы, были собраны, выгравированы на камне и установлены в зале Учэн-дянь (Зал военных успехов), который был построен позади павильона Цзыгуан-гэ специально для демонстрации военных наград и документов. Полное описание завоевания было выгравировано на стелах и помещено в Академии Ханьлинь. Описания отдельных битв были также выгравированы на памятных стелах и установлены в стратегических городах Восточного Туркестана как предупреждение местному населению против возможных попыток неповиновения (Ка Во Tsang, p. 70–71). В сознании императора и его двора воспевание побед являлось демонстрацией конфуцианских представлений о благой силе *де* 德 императора, которую он распространял на окраинные территории, «умиротворяя» местное население. В связи с этим и сами тексты именовались как «Планы (описания) умиротворения» (*тиндин фанлюэ* 評定方略). Среди различных вариантов визуального прославления побед (свитки и литографии, изображающие боевые сцены, праздничные церемонии) особо выделяются три версии ста портретов выдающихся военачальников, участвовавших в Восточно-Туркестанской кампании.

Идея создания портретной галереи героев боевых действий была не нова: традиция изображения выдающихся военачальников и чиновников восходит к династии Хань (206 до н.э. — 220 н.э.), когда были впервые созданы изображения 28 портретов по приказу императора Мин-ди (прав. 58–75) для террасы Юнтай (Облачная терраса). В период Тан Ян Либэнь нарисовал 24 портрета для Линьянь-гэ (Зала поднимающегося тумана). Хотя обе серии портретов погибли, в период Сун (960–1279) в 1090 г. танская серия была выгравирована на камне Ю Ши-сюном. Именно эти ханьские и танские портреты упоминает Цянь-лун в предисловии ко второй серии портретов, что указывает на уверенность монарха в исторической значимости создаваемой серии портретов (Ка Во Tsang, p. 86). Поскольку правление Цянь-луна было периодом суперлативов, его целью было не просто прославить конкретных военачальников, но и превзойти известные модели прошлого. Прославление героев, преданных делу династии, являлось признанием выполнения ими конфуцианского долга *и* 義 и преданности *чжун* 忠 — моральных качеств, считавшихся неотъемлемой характеристикой верноподданных. Следует отметить, что в период становления маньчжурского государства начиная с правления Нурхацы (прав. 1616–1626) и Хунтайчжи (прав. 1627–1636) и до начала XIX в. особенно ценились именно эти качества военных и гражданских сановников.

Как только была объявлена победа, зимой 1759 г. император решил наградить выдающихся участников этой кампании. Было выбрано 100 человек (военных и гражданских чиновников), которые затем были разделены на две группы по 50 человек. В

первую группу вошли люди, выделившиеся особо значимыми заслугами, во второй группе были все остальные. Все получили соответствующее вознаграждение и право быть запечатленными на портрете.

Портреты сановников из первой группы были сопровождаемы славословием в стихотворной форме на маньчжурском и китайском языках, сочиненным самим императором Цянь-луном. На портретах второй группы надписи были сделаны литературными наставниками императора: Лю Тун-сюнем (1700–1773), Лю Луном (1711–1773) и Юй Мин-чжуном (1714–1780) (Ka Wo Tzang, p. 71).

Известно, что были написаны три серии портретов. Первая была выполнена в цвете на шелке для Павильона пурпурного блеска. Это были вертикальные свитки, изображающие военных или гражданских сановников в полный рост, сверху был текст на маньчжурском и китайском языках. В обоих текстах указывались имя, ранг и титул изображенного на свитке сановника, краткое описание его героических заслуг в военной кампании, дата (весна года *гэнчэнь* 庚辰 периода правления Цянь-лун, т.е. 1760). Между текстами ставилась красная овальная печать *Цянь-лун юйлань чжибао* 乾隆御覽之寶 («Драгоценность, высочайше одобренная Цянь-луном»).

Вторая серия включала портреты малого формата с надписями и имела форму горизонтального свитка. Эта серия состояла из двух свитков по 50 фигур, сопровождаемых только китайским текстом, написанным императором. Известен только один свиток с 50 выдающимися полководцами, зарегистрированный в императорском каталоге *Шицзюй баоцзи сюйбянь* 石渠寶幾續編, в котором указано имя художника — Цзинь Тин-бяо (ум. 1767). О том, как выглядели эти свитки, можно судить по фрагментам, которые в настоящее время хранятся в Музее восточноазиатского искусства в Берлине и опубликованы в статье А. Бюгенер (Bügener, S. 32–42).

О третьей серии портретов известно из записей дворцовых мастерских, в которых написано, что в 28-й год Цянь-луна (1763) Цзинь Тин-бяо и Игнас Зихельбарт (Ignas Sichelbart, кит. Ай Цимэнь 1708–1780) должны были сделать копии портретов, увеличив их до больших размеров 50 портретов из второй серии (Ka Wo Tsang, p. 71–72). Эти портреты, по-видимому, пока еще не обнаружены.

Следует сказать об еще одной серии портретов — погрудные портреты сановников, изготовленные иезуитами. Они являлись подготовительным материалом для создания серии портретов-свитков, и в настоящее время некоторые из них хранятся в Этнологическом музее в Берлине (Veit, S. 199–236; Rasidonduk, Veit, S. 543–491).

За период правления императора Цянь-луна было создано 280 портретов наиболее выдающихся военачальников: 100 портретов тех, кто отличился в покорении Джунгарии и Восточного Туркестана, 100 портретов отличившихся при покорении Цзиньчуани, 50 портретов тех, кто отличился при покорении Тайваня, и 30 портретов отличившихся в походах на Юго-Восточную Азию. Для исследователей наибольший интерес представляют портреты из первой серии, поскольку они сопровождаются текстом, воспевающим подвиги изображенного персонажа. На первых 50 портретах китайский и маньчжурские тексты написаны самим Цянь-луном, как выражение особой императорской благодарности за преданность и героизм. Тексты на других 50 портретах этой первой серии написаны по тем же принципам, что и предыдущие, однако ближайшими сановниками императора. Следует особо отметить, что Цянь-лун самостоятельно составил тексты на обоих языках, при этом маньчжурская версия написана в стихотворной форме с соблюдением необходимой аллитерации. Эти тексты привлекают внимание историков как источник по истории боевых сражений, характеристике их участников, дают информацию об этническом составе цинского войска. Искус-

ствоведов интересуют сами портреты, которые отражают сочетание европейской и китайской традиций живописи.

В последние несколько десятилетий значительно усилился интерес к изучению портретов из Павильона пурпурного блеска. Большинство из них оказалось в запасах европейских музеев и частных коллекциях, которые формировались из трофеев войск западной коалиции, участвовавшей в подавлении восстания ихэтуаней в Пекине в 1900 г. Известно, что Пекин был оккупирован европейскими войсками, и при возвращении домой солдаты захватывали с собой легко транспортируемые «сувениры»: двухметровый портрет-свиток сворачивается в компактный рулон. К сожалению, не всегда известно, как и от кого некоторые предметы попадают в музей, однако установлено, что один из портретов (на нем изображен Эмин Хочжо) попал в Музей этнологии в Берлине от армейского врача доктора Хильдебрандта в 1903 г. (Walravens, p. 313, footnote 16). Наибольшая коллекция вертикальных свитков с надписями на обоих языках хранится в Берлине. В 2003 г. берлинский Музей восточно-азиатского искусства (Museum für Ostasiatische Kunst) организовал специальную выставку «Картины для Павильона пурпурного блеска» (Bilder für die Halle des Purpurglanzes), где были собраны портреты, гравюры и лаковые панно, освещающие военные походы Цянь-луна. В течение многих десятилетий описанием портретов занимается немецкий исследователь Хартмут Валравенс, который в одной из своих статей опубликовал имена всех 280 персонажей (Walravens, p. 313–323). Одним из подтверждений интереса к этой теме является китайский интернет-сайт, посвященный военным кампаниям Цянь-луна: [<http://www.battle-of-qurman.com.cn/>].

В связи с этим обнаружение свитков-портретов всякий раз вызывает определенный научный интерес.

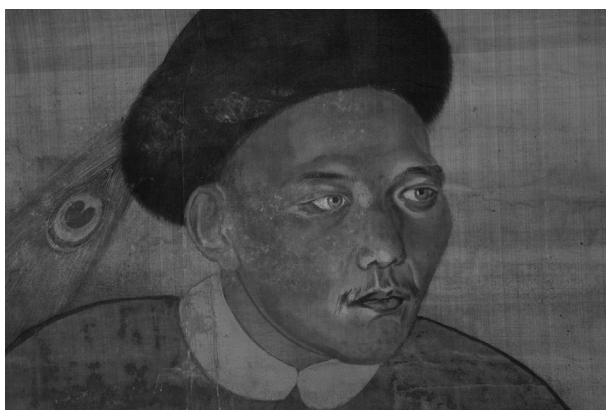
3. Портреты воинов из коллекции Государственного Эрмитажа

Четыре портрета в форме вертикального свитка, в настоящее время хранящиеся в Государственном Эрмитаже, относятся к первой серии портретов, изготовленных по приказу императора Цянь-луна для Павильона пурпурного блеска. Воины, отличившиеся в Восточно-Туркестанской кампании, изображены в полный рост с детальной проработкой одежды и оружия. При создании этих портретов иезуиты в качестве новшества прибегли к проекции в три четверти, очень точно выводя на картине изображение персонажа, при этом добавляя света и придавая плотности лицу и всей фигуре в целом. Более того, они стремились к точной передаче анатомических особенностей лица модели, фактуры кожи и контрастности. Все это кардинально отличает иезуитские портреты XVIII в. от работ китайских художников, выполнявших портреты предков с соблюдением китайских законов физиогномики (рис. 1, 2). Размышляя об этих сложностях при создании официальных портретов, один из членов Миссии Иезуитского ордена так писал о требованиях к ним Цянь-луна: «Краски должны быть однородными и очень утонченными по исполнению, в точности как на миниатюре» (Pirazzoli-t'Serstevens, 2005, p. 27). Европейская художественная миниатюра, в особенности миниатюра на эмали, появилась в числе подношений и покупок в залах Гугуна в конце XVII в. Кан-си был в восторге от этих предметов, да и среди придворной элиты европейские эмали пользовались огромным, непреходящим успехом. И Юн-чжэн и Цянь-лун поддержали предка. С тех пор, вплоть до наших дней, миниатюра из Европы в Китае пользуется неизменной популярностью. Художники из

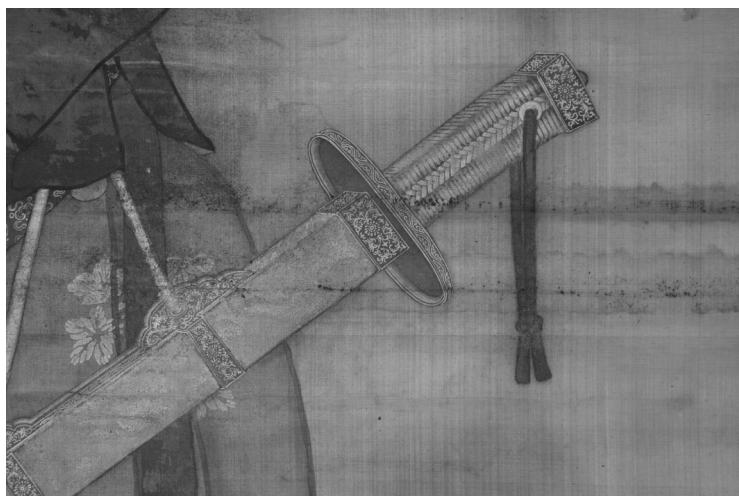
Рис. 1

Фрагмент портрета. Колчан с луком и сабля в ножнах (инв. № ВФ 2801)
© Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, 2011

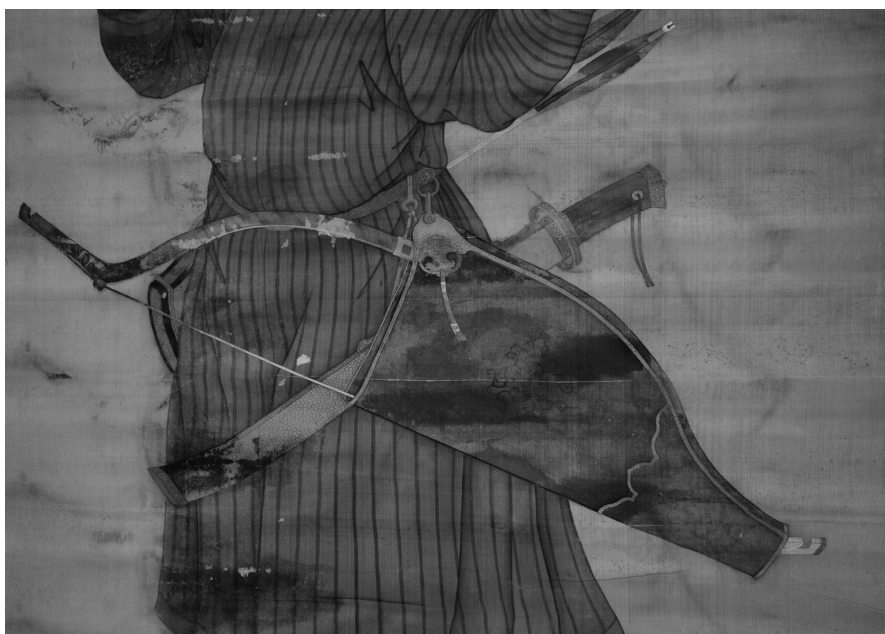
Рис. 2

Фрагмент портрета. Колчан с луком и сабля с ножнами (инв. № ВФ 2820)
© Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, 2011

Рис. 3

Фрагмент портрета. Рукоять сабли в ножнах (инв. № ВФ 2819)
© Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, 2011

Рис. 4

Фрагмент портрета Кэтэргэй-батуру Етуня (инв. № ВФ 2801)
© Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, 2011

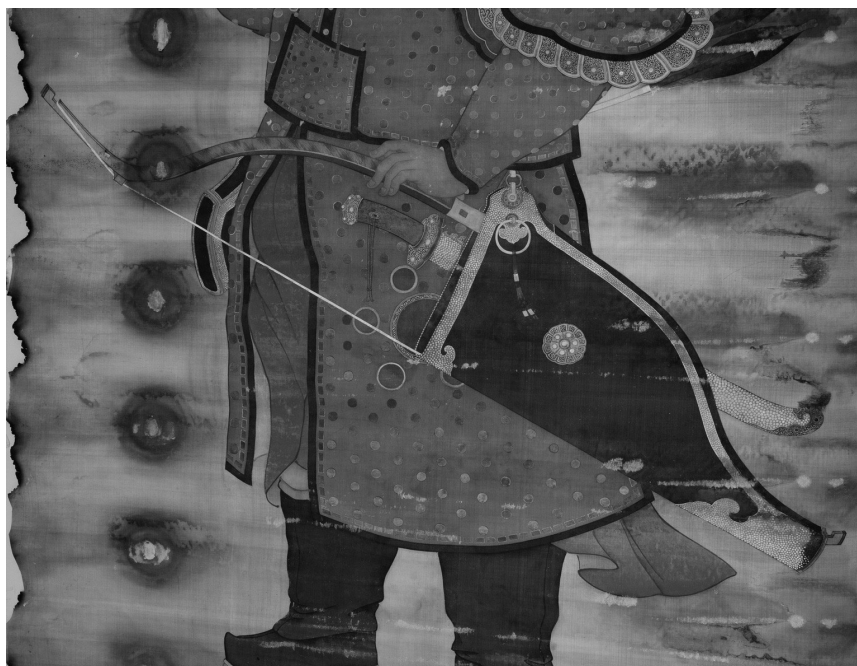

Рис. 5

Фрагмент портрета Хабтай-батуру Фусила (инв. № ВФ 2819)
© Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, 2011

числа членов Миссии Иезуитского ордена, основываясь на приемах европейской миниатюры во время выполнения заказов Цянь-луна, создали особый, очень реалистичный и вместе с тем восприимчивый к законам китайской живописи стиль письма (рис. 3, 4, 5). Кастильоне, Аттире, Зихельбарт и другие европейцы, следуя своему пониманию законов китайской живописи, освобождают задний план вокруг изображения портретируемого. Компоновка всех портретов генералов сделана таким образом, чтобы передать зрителю ощущение пространства — его дыхания, чем всегда славились пейзажи, созданные гением китайского художника.

Все четыре портрета из коллекции Государственного Эрмитажа в документах хранения обозначены как «Придворный портрет военачальника династии Цин, Китай, XVIII в. Материал, техника: свиток; шелк, дублированный на бумагу, минеральные краски. Принадлежность на момент реституции: Этнографический музей, г. Берлин. Источник поступления: III эшелон. Акт приема в Государственный Эрмитаж: № 270сз от 25.03.1946 г.». До настоящего времени свитки хранились в свернутом виде, на них имеются следы пожаров и подтеки, во многих местах тексты и живопись разрушены. Поскольку реставрация свитков является довольно длительным процессом, то с разрешения Министерства культуры России мы впервые публикуем эти портреты в том виде, в каком они поступили в 1946 г. Фотографии сделаны фотографами Государственного Эрмитажа В.С. Тербениным и А.В. Тербениным.

Все свитки оформлены одинаково: сверху черной тушью написаны тексты на маньчжурском языке (читается слева направо) и китайском языке (читается справа налево), в центре между датами стоит красная овальная печать с легендой *Цяньлун юйлань*

Рис. 6

Портрет Кэтэркэй-батыру Етуня (инв. № ВФ 2801)
© Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, 2011

чжибао 乾隆御覽之寶 «Драгоценность, высочайше одобренная Цянь-луном». Под текстами в центре свитка изображен портрет военачальника в полный рост.

На первом свитке (инв. № ВФ 2801, старый номер I.D.22365, размер 111×303 см) изображен молодой военачальник, одетый в зимний желтый полосатый халат. За спиной у него колчан со стрелами, к синему поясу на левом боку пристегнут чехол с луком и ножны с саблей. На ногах — обшитые шелком зимние сапоги на толстой

подошве. На голове у него круглая форменная шапка с собольей оторочкой и с наверху из красного шарика и павлиньим пером с одним глазком (*кунцяолин*). Навершие и павлинье перо четко указывают на ранг портретируемого: коралловый шарик свидетельствует о втором ранге чиновника, а *кунцяолин* — о низшей, третьей, степени этого ранга (Сычев, с. 63). Голова повернута влево на три четверти, при этом лицо прорисовано со светотенью, характерной для европейской техники письма. Из текста в картуше мы узнаем, что на портрете изображен Кэтэркэй-батуру Етунь (кит. — Кэтээркэ-батулу Ютунь) (рис. 6). Следует отметить, что маньчжурский текст написан по законам маньчжурского стихосложения, т.е. с аллитерацией последнего слога: *e-a-a-e-a-e-a* и начального звука: *u-u-h-g-g-e-e*. Маньчжурский текст частично утерян в начале, на свитке имеются следы подтеков, края свитка повреждены.

Транслитерация маньчжурского текста:

Meiren-i janggin Keterkei baturu Yettun: /
 ulai ba-i gurgu bu[...]ra mergen bihe.
 usasi / kûmali niohe be jabduburakû wabihe ubašaha /
 hûlha sabe warangge. uthai fulhû de jaka /
 gaire gese ja bihe: emu ikiri kejine ferguwecuke /
 gungge ilibuha /
 ere inu ambula dulembuhe ci / banjinaha /
 ede sirara hafan šangnafi ambakan tušan de / isibuhangge. /
 erei faššaha gungge de karulaha //
 Abkai wehiyehe-i šanyan muduri aniyai niyengniyeri /
 han-i arahangge

Китайский текст:

副都統克特爾客巴圖魯由屯
 本射生手狼不暇走以之殺賊如探囊取奇功屢建亦因閱歷世職崇階酬其勞勩
 乾隆庚辰春
 御題

Перевод с маньчжурского:

Фланговый командир Кэтэркэй-батуру Етунь был искусным охотником на дикого зверя, без усталости истреблял свирепых волков. Он с легкостью справлялся с мятежниками, будто кидал мешки с вещами (кит. — легче легкого). Он совершал подвиги один за другим. Поистине приобрел большой опыт, поэтому получил наследный титул и достиг высоких чинов (кит. — постоянно занимался строительством, на личном опыте познал жизнь и добился высоких чинов). Его заслуги и подвиги были вознаграждены.

Написано императором весной года белого дракона периода правления Абкай вэхехэ (1760).

На втором свитке (инв. № ВФ 2819, старый номер утерян, размер 110×283 см) изображен молодой военачальник в желтом халате-*паоцза*, поверх которого надета зимняя синяя шелковая куртка-*гуацза*. На халате вытканы символы счастья (летучая мышь) и долголетия (тыква-горлянка). На левом боку у него висит сабля в ножнах. На ногах — обшитые шелком зимние сапоги на толстой подошве. На голове надета круглая форменная шапка, отороченная соболем, со знаками отличия: навершие

Рис. 7

Портрет Хабтай-батуру Фусила (инв. № ВФ 2819)
© Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, 2011

с лазуритовым шариком и павлинье перо с одним глазком. Лазуритовый шарик указывает на то, что портретируемый является чиновником четвертого ранга, а павлинье перо — на третью степень его ранга. Из текстов, составленных Цянь-луном, следует, что портретируемым является Хабтай-батуру Фусил (кит. — Хабутай Батулу Фусир) (рис. 7). Текст поврежден в середине свитка. Маньчжурский текст имеет конечную аллитерацию *e-i-i-i-e-e-i*.

Транслитерация маньчжурского текста:

Jai jergi hiya bihe Habtai baturu Fusil. /
horonggo ilan baturu-i dorgi de. hoo hio / serengge
ere emke be dabuha. holo kûmali /
šereng be tosome gidanaki serede. hono terei /

hûbin de dosinaha: ede gabtame jabdurakû ofi. /
 ebšeme loho-i sacirahai birenehe. ehe hûlha be /
 hono kejine wafi. ergen jociala sosoroko ba / akû bihe./
 Abkai wehiyehe-i šanyan muduri aniyai niyengniyeri /
 han-i arahangge

Китайский текст:

原二等待衛哈布泰巴圖魯福錫爾
 三巴圖魯於中之一要遮色楞忽墮其術不及彎弓白刃揮霍猶斬數人之死弗卻
 乾隆庚辰春
 御題

Перевод с маньчжурского:

Императорский телохранитель второго ранга Хабтай-батуру Фусил. Он был одним из трех батуру, кто храбро защищался. Когда хотел отразить нападение коварного и лживого Шэрэна, то попал в ловушку. Он не успел выстрелить из лука, бросился отважно рубить (врага) мечом, и долго сражался со злым врагом, и не отступил до самой смерти.

Написано императором весной года белого дракона периода правления Абкай вэхехэ (1760).

На третьем свитке (инв. № ВФ 2820, старый номер I.D.31786, размер 102×280 см) изображен военачальник средних лет в генеральской форме. Поверх синего халата надеты военные доспехи с пелеринообразным воротником-пилин, который закреплен на груди круглой застежкой. За спиной у него колчан со стрелами, а на левом боку к поясу прикреплен чехол с луком и сабля в ножнах. На большом пальце правой руки надето нефритовое кольцо для натягивания тетивы. На голове — военный шлем с навершием в виде вымпела с черной кистью и двумя соколиными перьями на его оголовье. Вокруг козырька спереди написаны слова охранной *дхарани* на санскрите. Ноги портретируемого обуты в зимние сапоги на толстой подошве (рис. 8).

Свиток значительно поврежден следами пожара и подтеков, полностью обгорел левый край, поэтому утеряна первая строчка маньчжурского текста. Имеются лакуны в середине маньчжурского текста, и затемнено начало китайского. Аллитерация маньчжурского текста: i-û-û-i-û-i-i-i-i. Имя изображенного на портрете генерала — Чэбдэньчжаб (кит. — Цэбүдэнчжабу).

Транслитерация маньчжурского текста:

... [...]bure ici ergi ... / jiyanggiyûn cin wang ni jergi colgoroko / baturu giyûn wang
 Cebdenjab: /
 yaluha morin be dabkifi gabtame dosici.
 Yaya bade / afara de bakcilarangge akû /
 yargiyan-i bithe hûlahakû /
 niyalma bime. Ilan julgei gebungge jiyanggiyûn sa ci /
 eberi akû /
 ebšeme Horgos sere bade hûlha be / ucarafi :
 emu gagan-i coohai hûlha be etehe / bihe kai.
 ere gese sain haha ini ama we seci. /
 efu colgoroko baturu cing wang ni jui kai.
 Abkai wehiyehe-i sanyan muduri aniyai niyengniyeri /
 han-i arahangge

Рис. 8

Портрет Чэбдэньчаба (инв. № ВФ 2820)

© Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, 2011

Китайский текст:

定邊右副將軍親王品級超勇郡王策卜登扎卜
 拍馬彎弓無敵所向不曾讀書如古名將和洛霍斯少勝眾彼超勇親王額駙之子
 乾隆庚辰春
 御題

Перевод с маньчжурского:

...(кит. — усмиритель окраин) генерал ранга циньвана, непобедимый герой цзюнь-ван Чэбдэньчаба. Ему не было равных в различных сражениях, когда в наступлении стрелял с лошади на скаку. Он не читал правдивые истории, подобно трём генералам древности. Случайно встретился с разбойниками в месте под назва-

Рис. 9

Портрет Болбунча (инв. № ВФ 2821)

© Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, 2011

нием Хоргос и одержал победу над отрядом разбойников. Если спросят, кто отец этого достойного человека, то (скажут), что это сын зятя выдающегося героя циньвана.

Написано императором весной года белого дракона периода правления Абкай вэхехэ (1760).

На четвертом свитке (инв. № ВФ 2821, старый номер I.D.31... [последние цифры стерты], размер 105×312 см) изображен пожилой военачальник в зимнем желтом полосатом халате, подпоясанном синим поясом. За спиной к его поясу прикреплен колчан со стрелами, чехол с луком и сабля в ножнах, которые он придерживает левой рукой. На большом пальце правой руки надето кольцо из нефрита для натягивания тетивы. Ноги обуты в зимние сапоги на толстой подошве. На голове надета круглая форменная шапка, отороченная собольим мехом, со знаками отличия: навершие с шариком из красного коралла и павлинье перо с одним глазком (*кунцяолин*) свидетельствуют, что перед нами чиновник второго ранга третьей степени (рис. 9). В текстах указано имя — Болбунча (кит. Боэрбэньча).

Маньчжурский текст значительно поврежден, поэтому ниже дается транслитерация сохранившихся фрагментов построчно:

1. [...] dorgi amban Bolbunca /
2. [...] bahaci cooha de fassabureo /
3. [...] giyan solon-i dorgi bonggo /
4. [...] beri be darafi /
5. [...] fuhali wame mutehebi:/
6. [...] gasha be dasihire gese deri /
7. seme [...] funceburakû waka derengge /
8. darangga Ma Yuwan-i adali amasi marifi. deserengge /
9. kesi isibume sakdaka seme dosholome tuwaha:
10. Abkai wehiyehe-i sanyan muduri aniyai niyengniyeri /
11. han-i arahangge

Китайский текст:

领队大臣内大臣博而奔察

矍鑠請行索倫巨擘挽五石弓尙能殺賊如鷲之擊不啻飛鳥馬援來歸殊榮老

乾隆庚辰春

御題

Перевод с китайского:

Прославленный в войсках, министр его Величества, старший помощник начальника императорских телохранителей Боэрбэньча (маньчж. — Болбунча) Бодрый до старости, он попросился отправиться в дальний путь для того, чтобы обезвредить и казнить главаря солонов Ваньуши-гуна. Разбойник атаковал как хищная птица. (Боэрбэньча) отразил его на летящей как птица лошади. Подобно Ма Юаню¹, с почетом и уважением вернулся домой. Он удостоился беспредельной милости и чета в старости.

Написано императором весной года белого дракона периода правления Абкай вэхехэ (1760).

Напомним, что все четыре портрета, которые были написаны в 1760 г. для Павильона пурпурного света, были перевезены в Германию после подавления восстания ихэтуаней и попали в Этнологический музей города Берлина. Их дальнейшая история описана в статье Х. Валравенса: «В берлинском музее была довольно большая коллекция этих портретов, вероятно около тридцати свитков. Во время Второй мировой войны в целях безопасности они были перемещены в хранилище и после этого уже не вернулись в музей» (Walravens, p. 300). Музейное хранилище попало под авианалеты американских самолетов, и возникший пожар тушили советские солдаты. Этим объясняются следы огня и подтеков на свитках. Позднее эти ценности попали в репарационные списки, были привезены в Советский Союз и переданы в фонды Государственного Эрмитажа.

Как было сказано в разделе об истории создания портретов, существовало два варианта с текстами посвящения: портреты в форме вертикального свитка с надписями на двух языках, портреты на горизонтальном свитке только с текстом на китайском языке. Один из наших вертикальных свитков, а именно портрет Чэбдэньчаба, известен в горизонтальном варианте, который был опубликован в каталоге аукциона Sotheb'ys и помещен на уже упомянутом нами выше китайском интернет-сайте. Также указано, что Чэбдэньчаб (1705–1782) был халха-монголом и принадлежал к клану борджигит. Его отец Цэрэн был женат на цинской принцессе. В 1755 г. он просла-

¹ Ма Юань (14 г. до н.э. — 49 г. н.э.) — знаменитый военачальник при династии Хань, почитаемый маньчжурами за верность трону и заботу о подчиненных в боевых условиях.

вился в подавлении Давачи и Амурсаны, а в 1758 г. участвовал в битве при Хоргосе. С 1771 по 1773 г. он был правителем Халхи.

Кроме того, имена наших героев мы находим и в списке ста участников Восточно-Туркестанской кампании 1759 г.: пятым назван Чэбдэньжаб, двадцатым — Болбунча, тридцать седьмым — Кэтэркэй-батуру Етунь, сорок пятым — Хабтай-батуру Фусил. Они входят в число первых 50 военачальников, посвящения к портретам которых были сочинены самим императором Цянь-луном. Это подтверждается и самими надписями над портретами.

Публикация четырех портретов из коллекции Государственного Эрмитажа является первым шагом к их изучению, которое в первую очередь начнется с их консервации и реставрации. Более того, в фондах имеется еще три сильно поврежденных портрета из этой же коллекции, которые пока даже невозможно развернуть без предварительной консервации. Это дает нам возможность еще раз в недалеком будущем вернуться к портретам военачальников из Павильона пурпурного блеска.

Список литературы

- Сычев Л.П., Сычев В.Л.* Китайский костюм. Символика, история, трактовка в литературе и искусстве. М., 1975.
- Bügener A.* Des Kaisers Helden en miniature. Drei Querrollenfragmente mit Offiziersporträts der Ära Qianlong (1736–1765) im Museum für Ostasiatische Kunst Berlin // *Ostasiatische Zeitschrift*. Neue Serie. Nr. 10. Herbst 2005. S. 32–42.
- Ka Bo Tsang.* Portraits of Meritorious Officials: Eight Examples from the First Set Commissioned by the Qianlong Emperor // *Arts Asiatiques*. Vol. XLII, 1992. P. 69–88.
- Pirazzoli-t'Serstevens M.* Giuseppe Castiglione et le renouveau du portrait impérial au XVIIIe s. // *Arts Asiatiques*. T. LX, 2005. P. 22–30.
- Veit V.* Die in Deutschland befindlichen acht Porträts der von Ch'ien-lung 1754–55 unterworfenen Ölötenfürsten // *Zentral-Asiatische Studien*. Nr. 4, 1970. S. 199–236.
- Rasidonduk S., Veit V.* Neun weitere in Deutschland befindliche Porträts verdienter Offiziere der Ch'ien-lung Zeit // *Zentral-Asiatische Studien*. Nr. 12, 1978. S. 543–591.
- Walravens H.* Portraits of meritorious officers, accompanied by Manchu eulogies // *Altaica Berolinensia*. The concept of sovereignty in the Altaic world. Permanent International Altaistic Conference. 34th Meeting, Berlin 21–26 July, 1991. Ed. by Barbara Kellner-Heinkele. Wiesbaden, 1993. P. 307–330 (*Asiatische Forschungen*, B. 126).

Summary

T.A. Pang, N.G. Pchelin

Portraits of Meritorious Officers from the Collection of the State Hermitage Museum

The first set of portraits of meritorious officers was painted for the Hall of Purple Glaze in the Forbidden City in 1760 by the order of the Qianlong Emperor. After the defeat of the Boxer uprising many of them were taken to Europe as trophies by the soldiers and officers of the European armies. Before World War II a certain number of them was stored in the Berlin Museum of Ethnology and later their traces were lost. It turned out that seven of them were brought to Russia as reparation in 1945–1946 and, to this day, were closed in the depositories of the State Hermitage museum. The publication of the first four portraits before their conservation was allowed by the Ministry of Culture of Russian Federation, while the other three still wait for their turn. The names of the meritorious officers who are depicted on our portraits and who participated in the Qianlong Turkistan campaign in 1759 are Cebdenjab, Bolbunca, Keterkei-baturu Yettun, Habtai-baturu Fusil.

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ ВОСТОКА

2⁽¹⁵⁾
2011

ПУБЛИКАЦИИ

- ИСТОРИЯ
ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
В ЛИЦАХ
- ИССЛЕДОВАНИЯ
- ИСТОРИОГРАФИЯ
И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ
- КОЛЛЕКЦИИ И АРХИВЫ
- НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ
- РЕЦЕНЗИИ

